

Н.Н. Наседкин

Лизавета Прокофьевна

ЛИЗАВЕТА ПРОКОФЬЕВНА Епанчина (урожденная Мышкина) — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Идиот», жена генерала Ивана Федоровича Епанчина, мать Александры, Аделаиды и Аглаи Епанчиных, дальняя родственница (или однофамилица) князя Мышкина. «Женился генерал еще очень давно, еще будучи в чине поручика, на девице почти одного с ним возраста, не обладавшей ни красотой, ни образованием, за которою он взял всего только пятьдесят душ, — правда и послуживших к основанию его дальнейшей фортуны. Но генерал никогда не роптал впоследствии на свой ранний брак, никогда не третировал его как увлечение нерасчетливой юности и супругу свою до того уважал и до того иногда боялся ее, что даже любил. Генеральша была из княжеского рода Мышкиных, рода хотя и не блестящего, но весьма древнего, и за свое происхождение весьма уважала себя. Некто из тогдашних влиятельных лиц, один из тех покровителей, которым покровительство, впрочем, ничего не стоит, согласился заинтересоваться браком молодой княжны. Он отворил калитку молодому офицеру, и толкнул его в ход, а тому даже и не толчка, а только разве одного взгляда надо было, — не пропал бы даром! За немногими исключениями, супруги прожили все время своего долгого юбилея согласно. Еще в очень молодых годах своих генеральша умела найти себе, как урожденная княжна и последняя в роде, а может быть, и по личным качествам, некоторых очень высоких покровительниц. Впоследствии, при богатстве и служебном значении своего супруга, она начала в этом высшем кругу даже несколько и освоиваться...»

В своем месте повествователем с добродушной иронией замечено, что все три девицы Епанчины, девушки пышущие здоровьем, не жаловались на аппетит, и добавлено: «Маменька их, генеральша Лизавета Прокофьевна, иногда косилась на откровенность их аппетита, но так как иные мнения ее, несмотря на всю наружную почтительность, с которою принимались дочерьми, в сущности, давно уже потеряли первоначальный и бесспорный авторитет между ними, и до такой степени, что установившийся согласный конклав трех девиц сплошь да рядом начинал пересиливать, то и генеральша, в видах собственного достоинства, нашла удобнее не спорить и уступать. Правда, характер весьма часто не слушался и не подчинялся решениям благоразумия; Лизавета Прокофьевна становилась с каждым годом все капризнее и нетерпеливее, стала даже какая-то чудачка, но так как под рукой все-таки оставался весьма покорный и приученный муж, то излишнее и накопившееся изливалось обыкновенно на его голову, а затем гармония в семействе восстанавливалась опять, и все шло как не надо лучше.

Генеральша, впрочем, и сама не теряла аппетита, и обыкновенно, в половине первого, принимала участие в обильном завтраке, похожем почти на обед, вместе с дочерьми. <...> Кроме чаю, кофею, сыру, меду, масла, особых оладий, излюбленных самою генеральшей, котлет и пр., подавался даже крепкий, горячий бульон...»

В момент начала действия романа смотрелась так: «Это была рослая женщина, одних лет с своим мужем, с темными, с большою проседью, но еще густыми волосами, с несколько горбатым носом, сухоощавая, с желтыми, ввалившимися щеками и тонкими впалыми губами. Лоб ее был высок, но узок; серые, довольно большие глаза имели самое неожиданное иногда выражение. Когда-то у ней была слабость поверить, что взгляд ее необыкновенно эффектен; это убеждение осталось в ней неизгладимо...»

Князь Мышкин, приехав из Швейцарии в Россию, в Петербург, отправляется первым делом в дом Епанчиных, потому что он, как и генеральша, из рода Мышкиных и, естественно, доводится ей какой-то дальней родней. Впрочем, сам князь на этом не настаивает и готов согласиться, что они просто однофамильцы. Тем более что генеральша «была ревнива к своему происхождению». Но, разумеется, кроткий князь уже вскоре покорил

сердце генеральши, и она даже согласилась впоследствии на предполагаемый брак своей младшенькой Аглаи с Мышкиным. Именно князь при первой встрече тонко угадывает главное в этой суровой на вид женщине: «Но про ваше лицо, Лизавета Прокофьевна, – обратился он вдруг к генеральше, – про ваше лицо уж мне не только кажется, а я просто уверен, что вы совершенный ребенок, во всем, во всем, во всем хорошем и во всем дурном, несмотря на то, что вы в таких летах...» Сама же Лизавета Прокофьевна, ярко характеризуя свою любимицу Аглаю, а заодно и саму себя, восклицает в сердцах: «Я вот дура с сердцем без ума, а ты дура с умом без сердца; обе мы и несчастны, обе и страдаем...»

Знаменательно, что в уста генеральши Епанчиной, в финале романа путешествующей за границей и тоскующей по России, Достоевский вкладывает наполненные глубоким смыслом слова, обращенные ею к Евгению Павловичу Радомскому, который собирается очень долго прожить в Европе и откровенно называет себя «совершенно лишним человеком в России»: «Довольно увлекаться-то, пора и рассудку послужить. И все это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, все это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия... помяните мое слово, сами увидите!...»

В образе генеральши Епанчиной и в описании ее семейства отразились, в какой-то мере, впечатления Достоевского от знакомства с генеральшей Е.Ф. Корвин-Круковской и ее семьей. В целом семейство Корвин-Круковских, в котором Достоевский часто бывал в начале 1860-х, в какой-то мере отразилось в изображении семейства генерала Епанчина.